

Сун Чэнцин улыбался, продолжая свои действия. Он наслаждался капризами Фан Чжи, но не поддавался на его уловки. В душе он думал, что его маленький сокровище, вероятно, не осознавало, как он выглядит в этот момент — словно только что вылупившийся цыпленок, пушистый и милый. Вместо того чтобы быть соблазнительным, как обычно, он был просто очарователен, но сам этого не замечал, пытаясь обмануть его такими уловками.

В конце концов, его заставили встать. Фан Чжи, сидя на кровати, надул губы и позволил Сун Чэнцину одеть его, накинув поверх нижнего белья несколько слоев одежды. Затем он посадил его на край кровати и взял у Сун Хэ теплые валенки, которые уже успели прогреться, и надел их на его ноги.

Одетый Фан Чжи обнял Сун Чэнцина за шею, прижавшись к его плечу и не желая отпускать. Сун Чэнцин с удовольствием позволил ему это, но когда он посадил его на мягкий стул, Фан Чжи больше не мог капризничать. Он взглянул на завтрак перед собой, надул губы и взял палочки для еды.

Это было не совсем так, как он представлял. Почему он не кормит его? Фан Чжи был недоволен.

Сун Чэнцин, похоже, не заметил его настроения, решив, что это просто утренняя ворчливость, и предложил:

— Хочешь прогуляться?

Фан Чжи посмотрел на него:

— Куда?

Сун Чэнцин положил ему на тарелку кусочек слоеного пирожного с чаем Лунцзин и сказал:

— Через несколько дней будет фестиваль фонарей. Хочешь пойти посмотреть?

Фестиваль фонарей был для Фан Чжи знакомым, но в то же время чужим. Выросший среди девушек, он знал об этом празднике.

Каждый раз, когда наступал фестиваль, девушки собирались вместе, обсуждая, какой молодой господин Лю красив и как хорошо он обращается с женщинами, и какая счастливица сможет выйти за него замуж. А госпожа Ли, хотя и не была красавицей, славилась своим мастерством в шитье, превосходя лучших вышивальщиц Лянчжоу... После фестиваля девушки могли говорить о нем месяцами.

Однако сам Фан Чжи никогда не был на фестивале. Услышав о нем от Сун Чэнцина, он заинтересовался и согласился:

— Хорошо.

На его лице появилась радость, и Сун Чэнцин улыбнулся, налив ему небольшую чашку супа. Он смотрел, как Фан Чжи ест, словно маленький зверек, набивающий щеки. Теперь он был в хорошем настроении и с улыбкой смотрел на Сун Чэнцина.

— Тебе нравится?

Фан Чжи кивнул:

— Да, это вкусно.

Он протянул Сун Чэнцину половинку пирожного, и тот взял его, медленно прожевал и сказал:

— Это я велел управляющему купить утром в местной лавке. Говорят, в ресторане «Фувэйлоу» недавно появился мастер из Цзяннаня, который готовит самые изысканные десерты. Я подумал, что тебе понравится, и правда, они очень нежные.

Дни шли своим чередом, и Фан Чжи постепенно обустроивался в Доме Генерала. Прогулки, чтение, рисование — Сун Чэнцин всегда был рядом. Эти две недели казались попыткой наверстать упущенные годы. Они проводили каждую минуту вместе, но это не надоедало. Наоборот, их отношения становились все более теплыми, словно они уже давно жили такой жизнью.

И вот наступил день, когда Сун Чэнцин обещал отвести его на фестиваль фонарей. Фан Чжи встал рано утром, просмотрел счета, присланные из Башни Фэнчжи, и поспешил найти Сун Чэнцину.

Возможно, в правительстве произошло что-то важное, и рано утром к нему пришел человек. Сун Чэнцин был в кабинете, обсуждая дела.

В комнате говорил пожилой мужчина, чья медлительность лишала разговор всякой напряженности. Сун Чэнцин, однако, был озабочен, его брови были нахмурены.

— Это нужно обсудить после зимы. Недавно мы вернулись оттуда, солдаты...

Ли Чэнфу вдруг повысил голос, теперь его слова звучали громко:

— Я вижу, ты просто думаешь о том, что дома тебя ждет кто-то!

Сун Чэнцин покраснел, будучи разоблаченным перед старшим:

— ...

Ли Чэнфу продолжил:

— Я видел, как ты рос, и знаю, о чем ты думаешь. Это нужно решить как можно скорее, иначе, если они начнут действовать первыми, мы окажемся в хаосе...

Сун Чэнцин соглашался, не осмеливаясь возражать, но все равно получил наставление:

— Твоего отца больше нет, и ты должен поддерживать честь семьи Сун. Не расслабляйся, будь бдителен, как подобает воину семьи Сун...

Фан Чжи, подойдя к двери кабинета, услышал эти слова и нахмурился, задумавшись. Внезапно дверь открылась, и он испугался, увидев перед собой человека. Ли Чэнфу посмотрел на него и сказал:

— Должно быть, вы господин Фан?

Фан Чжи нервно кивнул, не зная, кто это, но понимая, что это старший. Он не знал, куда деть руки. К счастью, Сун Чэнцин, услышав шум, быстро вышел из комнаты, взял его за руку и сказал:

— Дядя, вы его напугали!

Ли Чэнфу, словно старый проказник, рассмеялся, увидев, как Фан Чжи испугался. Он улыбнулся и поздоровался с ним. Фан Чжи, следуя за Сун Чэнцином, вежливо назвал его «дядей», что обрадовало старика.

Наконец, проводив старика, они смогли собраться и выйти. Фестиваль фонарей, конечно, начнется вечером, но Сун Чэнцин решил прогуляться с ним, чтобы развеяться после долгого пребывания в доме.

Они сели в карету, которая медленно покинула ворота дома Сун. Фан Чжи быстро забыл об утреннем происшествии, с интересом выглядывая из-за занавески, чтобы посмотреть на оживленный рынок.

Сун Чэнцин удивился:

— Ведь ты должен знать Лянчжоу лучше меня. Почему ты так взволнован?

Фан Чжи повернулся к нему, улыбаясь:

— Но я никогда не гулял по рынку с любимым человеком.

Легкий ветерок снаружи подул, развевая его волосы. Он поправил их, прижался к Сун Чэнцину и обнял его за шею. Сегодня Фан Чжи был одет в новое платье из простой ткани, поверх которого было надето теплое пальто. Мягкий мех на воротнике делал его лицо еще меньше, и, когда он прижимался к Сун Чэнцину, он выглядел как ребенок.

— В детстве мама водила меня сюда. Когда она умерла, я редко выходил один. Кроме того, из окна моей комнаты был виден этот вид, и мне не так хотелось выходить...

— Хм, — Сун Чэнцин задумался. — Так ты хочешь выходить, только когда со мной?

Фан Чжи ответил:

— Кажется, когда я с тобой, моя лень куда-то исчезает. Куда бы ты ни пошел, я хочу быть с тобой.

Сун Чэнцин крепко обнял его и прошептал на ухо:

— Тогда кто же это был утром, кто не хотел вставать? Эм?

Фан Чжи ущипнул его за щеку, сидя на нем и надув губы, чтобы показать свое недовольство.

Сун Чэнцин, с искривленным лицом, все же держал его за талию, боясь, что он упадет. Они смотрели друг на друга, их взгляды были полны нежности. Вскоре они поцеловались.

Фан Чжи, словно щенок, целовал щеки Сун Чэнцина, беспорядочно облизывая его губы, пока они не стали влажными. Нахмурившись, он капризничал:

— Ты не хочешь меня поцеловать? Почему ты не двигаешься?

Сун Чэнцин рассмеялся, приблизился и укусил его за нижнюю губу, затем прошептал:

— Боюсь, что если я начну, ты не выдержишь и растаешь в карете. Тогда мне придется идти на

фестиваль одному.

Хотя это было шуткой, Фан Чжи не рассердился, а только покраснел и пробормотал:

— Я не растаю... Поцелуй меня...

Сун Чэнцин намеренно не двигался, явно ожидая, что он скажет что-то еще.

Фан Чжи: Попробуй сказать это вслух.

Сун Чэнцин: Не смогу, не смогу.

Автор: Лично я очень люблю такие нежные моменты между ними. Утреннее пробуждение можно описать так много раз. (И это не попытка набрать объем текста [смайлик «собачка для защиты»]).

Зимнее утро, не нужно идти на работу, есть любимый человек, можно капризничать. Наш Фан Чжи — счастливчик.

<http://bllate.org/book/16757/1540575>